

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

«Депутат от баскской общины погиб от взрыва бомбы, подложенной в его машину». «Во время ограбления два молодчика убили трех посетителей» (Дулликон, Швейцария). «Солдаты Ирландской Республиканской армии подвергли пыткам и казнили мужчину!»... На страницах газет и в телевизионных новостях мы постоянно сталкиваемся с сообщениями подобного рода. К сожалению, ни одно общество не свободно от таких явлений, как убийство, избиение и разрушение. Насилие имеет место в масштабах целых государств: чудовищный геноцид Тутси в Руанде, систематическое умерщвление трех миллионов евреев в фашистской Германии, депортации эпохи сталинизма, массовые убийства армян турками и ужасы чеченской войны. Наряду с этим насилие вторгается в рамки повседневной жизни. Наше непосредственное окружение полно красноречивых свидетельств его присутствия: омерзительная драка с летальным исходом на автозаправочной станции, убийство из ревности или ограбление, совершенное двумя албанцами на улице Цюриха. Насилие пугает, устрашает, повергает в смятение и возмущает. Нам всем хочется жить в мире с другими людьми. Мы надеемся прийти к этой цели, выслушав конфликтующие стороны. На словах все без исключения: политики; мужья, избивающие своих жен; солдаты^{*}; жены, убившие своих мужей; разбойники, насильники и даже террористы — искренне против насилия^{**}. Все они утверждают, что предпочитают

^{*} *Bourke Johanna*. An intimate history of killing. London, 1999/

^{**} См.: *Collins Eamon*. Granta Books. London, 1998.

решать любой конфликт мирным путем и прибегают к насилию только в крайних случаях, когда у них не остается иного выхода, кроме применения грубой физической силы, кулачной расправы, выстрела из пистолета или использования бейсбольной биты: «Этот полицейский во всем виноват сам! И как это угораздило этого придурка загородить мне выход!» — уверяет мужчина, совершивший попытку ограбления банка в маленьком американском городке Спрингфилде и застреливший охранника. Самое удивительное, что он не производит впечатления человека, пытающегося ввести других в заблуждение. Он искренне верит в то, что говорит. На словах большинство людей против применения насилия и не выносят разрушения. В культурах древности положение было иным. На заре человеческой цивилизации насильственные акты, по-видимому, обоготворялись*. Мы мечтаем о золотом веке, хотим помешать эскалации противостояния в Аргунском ущелье или действиям мафиозных групп, направленным на то, чтобы запугать несговорчивых противников. Однако дело обстоит в полном соответствии с поговоркой о благих намерениях, которыми устлана дорога в ад: все наши попытки воплотить эти намерения в жизнь терпят неудачу. Расхождение между словами и делами проявляется со всей остротой. В большинстве случаев факт подмены просто ускользает от нашего внимания, так как нам представляется, что нас вынуждает прибегнуть к насилию другая сторона — конкурирующая партия, враг или вызывающее поведение партнера. Все наши действия продиктованы необходимостью самообороны и являются вынужденными. Виновен всегда кто-нибудь другой. Ответственность несут дискриминационная политика, кор-

* См.: *Heinz Marlier*. Formen und Funktion staatlicher Gewalt in Mesopotamien // Rolf Peter Sieferle / Helga Breuninger, HRSG. Kulturen der Gewalt. Campus Frankfurt. M., 1998.

румпированное общество или засилье эмигрантов иной национальности.

Как и в моей следующей книге на ту же тему «Смотреть в глаза демону»*, речь здесь пойдет о насилии среди детей и подростков. Что толкает детей на проявление насилия? Разве дети не должны вести себя мирно? Подрастающее поколение олицетворяет нашу надежду на лучшее будущее. Зловеще раскручивающаяся спираль насилия не должна касаться детей, их мира. Откуда же тогда берется насилие среди детей и подростков на территории школы? Разве детство и школа не должны оставаться заповедными зонами, куда запрещен вход мрачному демону насилия? Кто виноват как в явных, так и завуалированных проявлениях агрессии в детской среде: общество, система воспитания или родители?.. Данная книга написана в ином ключе. Вместо бесконечных сетований по поводу эскалации насилия, огрубления нравов и продажности общества автор сосредоточивает свое внимание на глубинно-психологическом значении феномена насилия. В книге показано, что насилие, на словах отвергаемое как детьми, так и взрослыми, одновременно имеет черты неизъяснимого очарования, могучей привлекательности. Прекраснодушные заявления не способны помешать школьным конфликтам. Потребность в насилии исходит из глубочайших недр нашей души, является антропологической константой. Для того чтобы избавить нашу культуру от столь ощутимого привкуса насилия и перейти к более цивилизованным формам решения конфликтных ситуаций, необходимо со всей серьезностью отнестись к тому непреложному факту, что насилие как таковое наделено зловещей магнетической силой. Без ясного осознания неизбежного присутствия насилия в умах и сердцах подрастающего поколения эф-

* *Guggenbühl Allan. Dem Dämon in die Augen schauen. Gewaltprävention in den Schule Zürich: Raben-Reihe, 1996.*

фактивное противодействие его эскалации невозможно. Насилие — не только постоянная тема периодических изданий, обращенных к взрослому населению, но и предмет, непосредственно касающийся мира детей и подростков. Речь идет и о возмутительной перестрелке в Литлтоне штата Колорадо, и о многих тысячах случаев, ежедневно происходящих в школах и при любых контактах между детьми. Мне как президенту Института по оказанию помощи в разрешении конфликтных ситуаций по долгу службы приходится ежедневно сталкиваться с фактами, повергающими в глубокую печаль: избивание учителя подростками с помощью бейсбольных бит, изнасилование школьницы ее одноклассниками в помещении класса или намеренное унижение ученицы. Как это ни прискорбно, мир, в котором живут наши дети, не является безоблачным; им, как и взрослым, приходится постоянно сталкиваться с такой теневой стороной человеческой природы, как насилие.

Книга, предлагаемая вниманию читателя, посвящена описанию различных аспектов проявления демона насилия среди детей и подростков. Наряду с этим речь пойдет о том, *что* может быть сделано для преодоления насилия в пределах школы заинтересованными сторонами: родителями, учителями и администрацией. Очарование, исходящее от насилия, слишком велико, чтобы от него можно было избавиться путем простого запрета. Гораздо предпочтительнее другой путь: необходимо помочь подросткам найти более цивилизованные формы выражения всей той энергии и буйства фантазии, которые связываются в их сознании с феноменом насилия и для которых насилие служит каналом, позволяющим им проявиться вовне. Нам надо помочь детям научиться проводить грань между насилием чисто негативного свойства, деструктивным по сути и отвратительным в своих проявлениях, и насилием, допустимым и даже в определенной степени необходимым, связанным с умением постоять за себя, с удалью

и т. п. Насилие является формой эскалации агрессивного выяснения взаимоотношений сторон. Мир, достигший полной гармонии, – недостижимая утопия, однако, возможно, нам удастся научить детей и подростков выяснению взаимных отношений без нанесения серьезных увечий; их споры, борьба и перебранки не должны переходить в мордобитие. Необходимо перенаправить энергию агрессивных импульсов в русло более приемлемых, с точки зрения базисных культурных ценностей, форм агрессии. Необходимо развить альтернативные формы преодоления агрессии. Применительно к школе это означает, что детям надо помочь выработать ритуалы сдерживания агрессии, ставящие ей определенные рамки и не позволяющие ей переходить грань допустимого во время споров, единоборства или озорства. Пафос защищаемого нами тезиса — в гипотетической возможности достижения положения, при котором борьба за власть будет происходить без применения пуль, а идеологические диспуты будут вестись без использования ракет.

Возможность познакомить русскоязычного читателя с моими идеями и поделиться с ним своим опытом — большая радость для меня. Надеюсь, что чтение этой книги вызовет у читателя собственные мысли в связи с этой трудной темой, а также даст ему материал, который, возможно, найдет применение в его собственной деятельности на поприще педагогики или в личном плане.

В заключение я хочу выразить благодарность переводчику Никите Скородуму и моему коллеге и другу Валерию Зеленскому, взявшему на себя труд отредактировать рукопись, а также издательству «Когито-Центр» за благожелательный интерес, проявленный к данной работе, и усилия по изданию книги.

Давос, 28 февраля 2000 года

Вступление НАСИЛИЕ — ФАКТ НАШЕГО БЫТИЯ

«Мы должны воспитать нового человека. Возможно, это звучит слишком самонадеянно, слишком гордо, однако тем не менее является приметой и реальностью нашего времени, столь отличного от предшествовавших исторических эпох»*. Разделяем ли мы сегодня оптимизм профессора, окрыленного волной энтузиазма 60-х годов? Куда пропал лозунг «Занимайтесь любовью, а не войной», выдвинутый авангардом тогдашней молодежи? Я еще припоминаю, с каким остервенением учитель срывал с двери класса наклейку с этим лозунгом, прилепленную на нее одним из учеников. Похоже, что спустя четверть века все до неузнаваемости изменилось. Сегодняшние учителя могут только мечтать о том, чтобы лозунги «Flower Power» (власть цветов) совпали с умонастроениями их учеников. Однако кто сегодня серьезно верит в возможность победы любви над насилием?

Есть родители, которые стремятся перепоручить детям часть домашних обязанностей, другие отказываются от этого метода воспитания из опасения, что само выдвижение каких-либо требований означает использование власти и насилия. Третьи в стремлении придерживаться исключительно проверенных *ценностей* сосредотачивают все внимание на воспитании у своих детей светских манер и на обучении их правилам хорошего тона. Удиви-

* *Suchodolski Bogdan*. Die Lehrer und die Erziehung für den Frieden // Friedenspädagogik. Hrsg. H. Rohrs. Frankfurt, 1970.

тельно, до какой степени эти родители заботятся о создании гармоничных отношений внутри семьи вплоть до самых мелочей. Тем печальнее видеть, как быстро дети в ходе взаимного общения совершенно спонтанно переходят к силовому решению конфликтов наперекор целям воспитания, которые мы себе ставим, а именно достижения возможности разрешать конфликты мирным путем.

А что же школа? Немало учителей стремятся модернизировать процесс обучения, ищут новые формы подачи материала, пытаются создать непринужденную атмосферу на уроке, вовлечь учеников в творческий процесс, развить у них самостоятельное мышление, однако при столкновении с суровой реальностью на уровне класса, например провокаций отдельных учеников, они вынуждены отказаться от формы преподавания, основанной на принципах солидарности и диалога, и вернуться к авторитарному стилю поведения, который сами в глубине души не одобряют.

Проблемы межкультурного общения разрешаются в местах, где учащиеся находятся во время перемены (а зачастую не только там), и осуществляется это силовыми методами как на вербальном уровне, так и с применением рук, увы, почти вне каких-либо культурных рамок.

Насилие есть средство подавления соперника. И все же почему применяющий силу не оставляет противника в покое и после того, как тот потерпел явное поражение? Чем объясняется подобный садизм? Это извечный феномен или примета нового времени, зеркало постмодернистского брожения умов?

Примеры беспричинной жестокости современной молодежи, выразившиеся в ряде убийств, совершенных за последнее время, кажутся утрированным выражением подобной тенденции, когда молодежь ищет в агрессии выход нерастраченной энергии.

На сухом научном языке агрессия именуется «целенаправленным распределением травмогенных раздражений»*. Однако мы имеем дело с колоссальным разбросом мнений, как только ставится вопрос, является ли агрессия изначально позитивной силой, обеспечивающей необходимую целеустремленность в решении задач, поставленных жизнью, или же она может рассматриваться как однозначно деструктивный потенциал человеческой деятельности и должна подвергаться регулированию с помощью внешних педагогических приемов и самовоспитания, т. е. постоянно переключаться в безопасное для окружающих русло. Какова природа насилия? Надо ли возводить насилие к врожденному инстинкту, или оно является побочным следствием процессов, вышедших из-под контроля?

Фрейд в ходе исследований подверг пересмотру свою изначальную концепцию либидо, единственной движущей силой которого он считал Эрос, и дополнил эту концепцию включением так называемого влечения к смерти, в основе которого заложена идея изначально деструктивного потенциала агрессивной энергии. В это время он был глубоко потрясен событиями Первой Мировой войны, смертью своей дочери и далеко не в последнюю очередь характером протекания собственной раковой болезни. Немало теоретиков отнеслось к выдвинутому им постулату влечения к смерти резко негативно. По их мнению, нет оснований судить о насилии как о чем-то изначально присущем человеческому поведению. Агрессия — это реакция на фрустрацию. Таким образом, агрессии можно избежать, во-первых, путем устранения по возможности фрустрации, а во-вторых, путем применения «громоотводов», способных перевести агрессию в более безопасное русло. Спросим себя, насколько данная гипотеза способ-

* *Losel I. A. Ursache, Prävention und Kontrolle von Gewalt aus psychologischer Sicht. Berlin, 1990.*

на дать удовлетворительное истолкование проблемы насилия применительно к ряду ситуаций, с которыми мы вынуждены сталкиваться на практике.

Имя, которое мы хотели бы назвать в данной связи, — Конрад Лоренц. Согласно его мнению, агрессия является не реакцией на внешние воздействия, а настоящим инстинктом, уже в животном царстве служащим целям самосохранения*. У людей данный инстинкт получил чрезмерное развитие, выбился из колеи, приобрел гротескные формы. По мнению Лоренца, в настоящее время возможностей перевода проявлений бессознательной (инстинктивной) агрессивности в социально безвредное русло не существует.

Какими же, однако, могли бы выглядеть подобные возможности абреакции**? Задав этот вопрос, мы вступаем в область злополучной дискуссии на тему о характере участия болельщика в футбольном матче, на котором он присутствует в качестве зрителя: что происходит с последним: он заражается агрессией или сбрасывает ее?

То же самое можно спросить о наблюдении и восприятии сцен насилия, врывающихся в атмосферу домашнего уюта с экрана телевизоров или видеомагнитофонов: чем является подобное действие — относительно безобидным сбросом инстинктивных побуждений или подзарядкой, ищущей разрешения в асоциальных поступках? Подростки, регулярно проглатывающие порции продукции видеофильмов «ужасов», пригласили меня посмотреть с ними вместе эти фильмы, чтобы я наконец понял полную безобидность этого рода видеопродукции: все это только серия трюков, не имеющих никакого отношения к реальной

* *Lorenz Konrad*. Das sogenannte Böse. Zur aturgeschichte der Aggression. Wien, 1963.

** Абреакция, или отведение, — способ осознания подавленных эмоциональных реакций.

действительности. Только патологическая неспособность взрослых проводить различие между воображаемым и действительным становится причиной их беспокойства.

Так называемые высокохудожественные проблемные фильмы, поставленные лучшими режиссерами, которые мы смотрим с удовольствием, по сравнению с этими неуклюжими инсценировками оставляют в душе гораздо более глубокий след.

В настоящее время уже немало клубов, в которых молодежь занята самостоятельным изготовлением видеопродукции, изображающей насилие, ее привлекает даруемая техникой возможность перейти от пассивного созерцания к активному воссозданию деструктивного начала. И напротив, другая часть молодежи предпочитает переживать увиденные сцены насилия в самой жизни, проецируя образы персонажей, подвергшихся издевательствам, на личность учителя или шефа, которые их не устраивают по тем или иным причинам.

Еще одна категория детей, в основном девочки, вообще не выносит изображения сцен насилия: при этом, как правило, они закрывают глаза, что не мешает им оставаться перед экраном телевизора, чтобы вновь и вновь пощекотать себе нервы леденящим чувством страха.

К числу тех, кто наиболее пристально изучал тему деструктивности человеческого поведения, относится Эрих Фромм*. Ему принадлежит разделение агрессивности на позитивную, поставленную на службу витальным интересам вида и негативную, обязанную своим возникновением стремлению к удовлетворению влечения к жестокости самой по себе. Инстинктивное управление человеческим поведением, ведающее агрессивным потенциалом, который служит жизненным целям, в ходе филогенеза

* *Fromm Erich. Anatomie der menschlichen Destruktivität. Reinbek, 1977.*

постепенно сходит на нет и передается функциям мозга, которые оказываются не в состоянии компенсировать образовавшийся вакуум власти и не справляются со своей задачей. Возникающая в итоге проблема затрагивает самые основы существования рода человеческого, он не в состоянии от нее отмахнуться и вынужден иметь с ней дело до тех пор, пока, возможно, в один прекрасный день не сумеет от нее избавиться, научившись находить «новые формы своего отношения с миром». Если бы наши отношения с миром были безоблачными, тема насилия устранилась бы сама собой. Если бы...

Дополнительным стимулом к возникновению агрессии и насилия служат любые отношения, в которых попирается человеческое достоинство и ущемляется человеческая свобода, любые проявления подавления инакомыслия и нетерпимости. В каждом из нас все еще достаточно живы стремление бить лежачего, преклонение перед грубой силой, презрение ко всему слабому, нежному и нуждающемуся в опеке для своего роста, ксенофобия и боязнь новизны.

Однако в данной книге речь идет не об очередной попытке разрешения фундаментальных вопросов, связанных с этиологией и преодолением насилия. Эта книга посвящена рассмотрению феноменологии и методов преодоления насилия в подростковой среде как психолого-педагогической задачи с прагматической целью. Аллан Гутгенбуль воспринимает насилие как данность, хотя он и не исключает, что в отдаленной перспективе возможен мир, свободный от насилия. До настоящего времени еще ни одной религии, этической системе или идеологической доктрине не удалось справиться с насилием. Все как раз наоборот. Констатация данного факта не имеет ничего общего с призывом к смирению перед неизбежным, однако дает почувствовать всю серьезность проблемы, связан-

ной с негативным аспектом агрессивности. Чувство рас-
терянности перед лицом всеобщей агрессии неизбежно
приводит к тому, что насилие рассматривается в качестве
неотъемлемой компоненты человеческого существова-
ния, которую нельзя назвать досадной заплаткой на без-
упречной в остальном картине. Однако, даже не питая
никаких иллюзий относительно психической природы
человека, можно и должно найти в себе силы для актив-
ного участия в деле разрешения и даже недопущения кон-
фликтных сценариев, а также в трезвом осознании доста-
точно достоверного существования антропологических
констант как залога достижения благочестивого желания
всеобщего мира.

Мартин Куни

* * *

«К., 29 сентября 195...». Уличное хулиганство. Вчера утром в К. внезапно по неизвестным причинам собралась толпа хулиганов, которая начала дебоширить. Толпа все увеличивалась. Хулиганы стали приставать к прохожим, разбили стоящую поблизости машину, перевернули другую, остановили движение транспорта и забросали прибывших полицейских булыжниками и палками. Пришлось срочно вызвать подкрепление, арестовать наиболее злостных возмутителей спокойствия; толпу удалось разогнать только с помощью водометов. Ведутся поиски зачинщиков беспорядков, однако судя по всему этот неприглядный инцидент произошел совершенно спонтанно.

«Ф, 29 сентября 195...» Пятилетний убийца. В пригороде Р. среди играющих детей пятилетнего возраста возникла ссора. Один из них вытащил

нож и заколол им своего приятеля Курта Б., сына эмигранта. Отец убитого работал в той же фирме, что и отец убийцы.

Когда заходит речь о случаях подобного рода, всегда находятся люди, которые склонны занижать их значение. По их мнению, газеты сообщают об исключениях, отклонениях от нормы, от которых не свободна ни одна эпоха. Было бы заблуждением считать, что сегодняшняя молодежь хуже молодежи предыдущих поколений.

Согласно статистическим данным, среди молодежи растет преступность, в особенности в американских мегаполисах. Она возрастает и в Европе. Находятся люди, несогласные с этим и приводящие противоположные данные статистики. Они указывают, что в прежние времена не велся учет детской и юношеской преступности. Приводятся факты с целью доказать, что поведение подростков в прошлом было не лучше нынешнего.

Так, например, в сельской местности имели место так называемые подростковые войны. Мальчики в возрасте от 12 до 16 лет объединялись в группу, объявляли войну группе ребят из другой деревни. Вооружившись палками, булыжниками, луками и стрелами, а порой даже маленькими самодельными пушками (ибо орудийная канонада придавала войне более вид настоящего боя) подростки сходились где-нибудь на окраине села в глухом лесу, где они могли без помехи со стороны взрослых дать волю своему воинственному духу (*esprit combatif* по Пиаже). Участники побоища награждали друг друга шишками, ранами, разбитыми носами и синяками, а кому-то удовольствие

померяться силами стоило глаза. Понятно, что когда о подобных столкновениях становилось известно, в дело вмешивались соответствующие инстанции: школьная администрация, учителя и лесничие. Эти войны подвергались строгому запрету под угрозой наказания, местность прочесывали патрули, прибегавшие к силе в случае отказа подростков подчиниться, и в итоге эти аномальные явления пресекались.

Плачевную известность получили и подвиги неких «ночных шалопаев». Так называли подростков из числа учащихся вечерних школ, курсов повышения квалификации и ремесленных училищ. После работы и занятий они собирались вместе, чтобы подурачиться и осуществить какую-нибудь проделку, отнюдь не всегда безобидную, и таким образом дать выход своим инстинктам разрушения. Вот одна из их шуток: подростки разобрали стоящую у крестьянского дома телегу, приставили к дому лестницу и по ней бесшумно втащили на крышу все составные части телеги, для чего им пришлось изрядно попотеть, затем телега была вновь собрана и установлена на коньке крыши. С наступлением утра взору сельских жителей предстало невиданное зрелище, вызвавшее у одних злорадный смех, а у других понятное негодование. Ряд других свидетельств их «подвигов»: кухонные двери, снятые с петель и прикрепленные веревками или цепями к верхушке вишни; снятая с петель садовая калитка, брошенная затем в ручей; семена сорняков, посаженные в свежеразрыхленную клумбу — крестьянка обнаружила проделку ночных хулиганов только тогда, когда показали первые всходы; отвинченные или даже оторванные кре-

пленения у новенькой садовой ограды и т. д. Однако, как правило, люди только посмеивались надо всем этим и не принимали таких проказ всерьез, вспоминая свои аналогичные проделки в том же возрасте. Если причиненный ущерб был значителен, сообщали местному лесничему: он находил виновников, и родители последних сообща улаживали дело, т. е. собирали деньги и возмещали причиненный ущерб, после чего инцидент считался исчерпанным.

Худшего свойства были проделки более старших парней, от 18 до 22 лет, субботними вечерами уходящих на «круг». Они собирались вместе и отправлялись в соседнее село, где в питейном заведении устраивались танцы, и начинали задира́ть присутствующую молодежь, поначалу словами, оскорбительными замечаниями, а затем переходили к действиям.

Они вырывали ножки стульев и использовали их как оружие, разбивали лампы, в результате началась всеобщая драка, в которой зачастую друзей и врагов уже не различали и в которой хозяин заведения, не оставшийся в стороне, и другие взрослые получали свою долю. Нередко тот или иной участник такой баталии попадал в госпиталь. Когда мать одного из пострадавших спросили, где теперь ее Яков, – она с улыбкой заявила: его немножко задели, так что он лежит в госпитале, однако он многим успел здорово «вмазать». В ее голосе звучала явная гордость за юного «героя», и ее восхищение разделяли сельские красотки. Порой становилось известно, что гулящие парни в очередной раз подстерегли где-то зазевавшуюся девушку и, раздев ее догола, оставили в таком виде ночью в поле*.

* Zulliger Hans. Gespräche über Erziehung, 1960.

Глава 1

ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ НАСИЛИЯ В ШКОЛЕ

ЯВНЫЕ И ЛАТЕНТНЫЕ ФОРМЫ НАСИЛИЯ

Насилие среди детей и подростков — тема, которая не может не волновать. Узнав о страданиях 9-летней школьницы, которая потеряла сон, потому что терпит побои во время перемен, мы испытываем печаль или ярость. Школа должна быть местом, где дети растут и развиваются, а не местом для проявления негативных сторон человеческой природы. К сожалению, опыт свидетельствует об обратном. Школа, классная аудитория не застрахованы от проявлений агрессии и насилия, прорывающихся во время уроков, на переменах или по дороге в школу, а зачастую и полностью подчиняющих себе распорядок дня ребенка. Эта малоприятная сторона человеческой сущности обнаруживается у людей всех возрастов, и детство не составляет здесь исключения.

Однако сравнение форм проявления насилия в различных школах приводит к выводу об отсутствии одного «почерка», одного знаменателя, типа. Проблема варьируется от школы к школе, обладает специфическими особенностями, характерными для данного класса или квартала. Насилие предстает в бесчисленном множестве вариантов. Мы вынуждены изыскивать методы его укрощения в соответствии с формой или личиной, в которой оно себя об-

наруживает. Формы проявления детского насилия всегда имеют отпечаток той или иной школы, той или иной группы детей и подростков, той или иной среды.

Быстрее всего взрослые реагируют на явные проявления агрессии. Под этим подразумеваются случаи детского садизма, когда дети мучают своих сверстников или совершают поступки, выходящие за рамки обычных шалостей и пугающие своей жестокостью и отсутствием сдерживающего начала.

В одном из 5-х классов начальной школы постоянным издевательствам подвергалась страдающая ожирением и близорукостью девочка. Во время перемены или по дороге в школу несколько мальчиков, подбадриваемых одноклассниками, окружали девочку — почти инвалида — и, вырвав у нее очки, растапывали их ногами, чтобы затем сообща насладиться зрелищем ее всхлипываний и беспомощных попыток найти дорогу. Слабость зрения этой девочки стала поводом для издевательства с их стороны.

Явные проявления насилия могут быть направлены не только против отдельных лиц, вызывающих к себе повышенный интерес окружающих, но и целой группы. В одной из школ Цюриха возникла мода на «бросание карликов». Во время перемен ученики 5-х и 6-х классов ловили 7- и 8-летних первоклассников, выстраивали в линейку перед полем и устраивали соревнование: победителем считался тот, кому удавалось дальше всех забросить в поле малолеток — мальчика или девочку. Другой пример насилия одной возрастной группы над другой, осуществляемого в форме террора, скрытого от глаз взрослого, имел место в одной из школ Берна. Напротив здания школы находился магазин, торгующий аудио- и видеопродукцией. Его директор обратился к администрации школы с жалобой на участвовавшие кражи дисков, в которых он обвинял учеников школы. Он утверждал, что большин-

ство ворующих кассеты и диски — дети младшего школьного возраста. Преподавательницы начальных классов отказывались этому верить и возмущенно отвергали самую мысль о чем-то подобном, им казалось невероятным, чтобы ученики 1-го и 2-го классов могли быть замешаны в воровстве. Все это казалось им явным недоразумением, и они отвергали все упреки. Однако после того, как в результате подключения специалистов по критическим ситуациям было проведено расследование и соответствующая работа с самими учащимися, выяснилось, что младшие школьники оказались жертвами террора со стороны группы мальчиков 6-го класса. Эти «деды» приказывали малышам таскать для них диски под угрозой применения физической силы. Боязнь учеников младших классов мести со стороны старшеклассников была причиной их молчания. Происходящее оставалось тайной как для родителей, так и для учителей.

Наряду с явными и вербализованными формами агрессии нередки случаи ее скрытых и тщательно замаскированных проявлений, к сожалению, слишком часто ускользающих от внимания преподавателя. В одном из классов нам бросилась в глаза особенность размещения детей за партами: они жались к окнам. Широкий средний ряд оставался незанятым. Учительница объяснила подобное поведение «модой». Благодаря нашему расследованию выяснилось, что группе лидеров класса не нравилось, когда их одноклассники пользовались средним проходом между партами. Поэтому они приказали пользоваться проходом вдоль окон. Любого, осмелившегося нарушить это предписание, ждала расправа на перемене. У учеников этого класса не было сомнений в том, кому принадлежит лидерство в классе. Учительница была в их глазах пустой фикцией, истинные носители власти сидели с ними рядом.

Зачастую насилие выражается вербально, как это имеет место в тех классах и школах, где в ходу нецензурная похабная брань, или в компаниях подростков, пользующихся при общении самыми грубыми словами и лексикой, почерпнутой из области сексуальных отношений. В подобных случаях лексика служит оружием для нанесения взаимных ударов.

Эскалация вербализованной формы насилия может проявляться и в письменном виде. В одном из сочинений мальчик описал, как, по его мнению, надо было поступить с его одноклассницей Карин: «В начале ее повесили, а затем отрезали ноги и руки. Затем ей вырвали язык и распорол живот. После всего этого ей запихали в рот бомбу и Карин взорвалась. На сем кончаю».

Независимо от того, проявляется ли насилие вербально, явно или скрыто, оно никогда не оставляет нас равнодушными и вызывает к ответным мерам. Когда школа становится местом пыток и мучений детей, а «разборки» во время перемен перестают носить характер безобидных шалостей, учителя, психологи и родители не могут делать вид, что это не их ума дело, и должны попытаться найти выход из создавшейся ситуации.

Прежде всего обратимся к психологическим основам насилия. После экскурса в прошлое мы рассмотрим аспекты проявления насилия в современной школе. В заключение речь пойдет о стереотипах поведения, ритуалах и детях, потерявших социокультурную ориентацию. Наконец, мы постараемся представить образ школы, способной стать активным фактором противодействия любым проявлениям насилия.

ВЛАСТЬ БАНДЫ

Каждый специалист по детской и юношеской психологии наверняка согласится с тем, что, по наблюдениям преподавателей и родителей, самые отчаянные дебоширы и агрессивные подростки при общении с ними с глазу на глаз ведут себя довольно смиренно, производят впечатление обычных учеников. Драчун, наводящий ужас на всю школу, смиренно сидит перед вами и, глядя вам прямо в глаза, уверяет, что ему претит всякое насилие. Он совершенно убежден, что любой конфликт следует разрешать путем взаимного обсуждения спорных моментов, без всякого рукоприкладства. Порой он может даже выражать искреннее сожаление в том, что отнюдь не все дети разделяют эту точку зрения и во время перемен дебоширят и буянят. Он не из их числа. Специалист по детской и юношеской психологии постоянно сталкивается с тем, что так называемые плохие, агрессивные дети, оставшись наедине с психологом или иным взрослым, ведут себя крайне мирно. Их отношение к конфликтам, насилию и спорам почти совпадает с точкой зрения преподавательского состава. По их словам, они относятся к насилию резко отрицательно. К сожалению, мне приходилось слишком часто быть свидетелем того, как все эти прекрасные рассуждения улетучиваются, стоит этим мальчикам и девочкам вновь окунуться в общество своих сверстников. Миловидный блондин, только что жаловавшийся на агрессивное поведение своих одноклассников, пятью минутами позже способен, грозя кулаком, вторгнуться в группу девочек и заорать: «Хотите попробовать моих тумачков?» Все его гуманные принципы забыты. Он сам не видит в своем поведении противоречия: всему виной не его агрессивность, а вызывающее поведение девочек, которые «имели наглость тупо на него пялиться».

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru